

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА, ПЕРВЫЙ ПОЯС

ОПАСНОСТИ

ГЛАВА 1

Ветви хлестали по щекам, хватали за рюкзак. Данила мчался за идущим по следу Зулусом, здоровенным псом породы риджбек, — и не успевал! Легкие рвало, мышцы сводило судорогой. Берцы скользили по траве, а камуфляжные штаны промокли от росы. Надо успеть до восхода! Хамелеоны не любят солнце и с рассветом становятся агрессивней.

Он выслеживал эту тварь уже несколько часов — хитрая бестия дважды обманывала его, петляла, путала следы.

Химки, ближнее Подмосковье, а будто по диким землям бежишь: серый предрассветный воздух пахнет зеленью и хвоей, птицы заливаются... Ни шума автострады, ни бензиновой гари. И даже тропинок не осталось, непроходимые дебри кругом.

Пролесок закончился внезапно. Небольшая передышка — хватая ртом воздух, Данила Астрахан присел и на взрыхленной земле рассмотрел след босой человеческой ноги. Сплюнул. Вот уж повезло! Неугомонный Зулус понесся дальше и теперь шуршал в малиннике впереди.

Восстановив дыхание, Данила двинулся по следам. Из тумана выплыли очертания забора — накренившегося, ребристого, в пятнах ржавчины. Где-то впереди заскрежетала сталь — Данила выхватил обрез и шокер, прицелился в заросли. Высокая, в человеческий рост крапива задвигалась, и появилась рыжая башка Зулуса, пес мотнул головой — скорее, мол, неповоротливый хозяин! Пес нырнул в крапиву, Данила — следом, защищая лицо.

За забором была стройка, брошенная двадцать лет назад, когда появилась область, названная впоследствии Сектор. В огромном котловане образовался пруд, прилегающая территория заросла кустарником; к строительному вагончику вела тропа, там, видно, жили бомжи. Зулус подал голос. Басистый лай отражался от стен бетонных великанов, множился и затихал в их пустых утробах. Данила бросился на звук. Обогнул расписанный граффити недострой и остановился перед бетонным колоссом, крыша которого терялась в тумане.

Завидев хозяина, Зулус залаял с удвоенной силой, завертел головой: там оно, там! Плохое, чужеродное! По стене полезло! Иди, выгони его, а я убью!

Обогнув здание, Данила вошел в дверной проем, пес рванул следом, замер, прислушиваясь.

— Ищи! — Данила указал на лестницу.

Пес помчался наверх, перескакивая через ступени. Данила — следом, с обрезом и шокером наготове. Пока Зулус деловито обследовал этаж, он притаился у спуска. Это его тридцатый хамелеон. Можно сказать, юбилейный. Наверное, это что-то значит. Как и любой ловчий, Данила Астрахан был суеверным. Те, кто все время рискует жизнью, против желания начинают верить в небылицы.

И хорошо бы на этом юбилейном хамелеоне завязать: вольных ловчих все меньше, прижимают со всех сторон. Уехать бы, зажить спокойно — никаких предрассветных погонь, свой тренировочный комплекс, дом у теплого моря. «Вот для этого, — напомнил себе Данила, — ты здесь и сидишь. И хамелеонов тебе понадобится еще не один десяток».

Передышка закончилась.

Обыскав этаж, пес устремился выше и заскулил, глядя на обвалившийся лестничный пролет.

— Ждать здесь! — приказал Астрахан, ухватился за торчащий из стены прут арматуры, проверил его на прочность — сойдет. Оттолкнулся от пола, подтянулся рывком и повис на железном перекрытии. Снова подъем. Вытолкнуть себя на бетонный пол. Метнуться к стене и выхватить обрез. Есть!

Теперь — прислушаться и затаиться. Без пса опасно: у хамелеонов отличный нюх, и они умеют бесшумно подкрадываться. Тишина, лишь кровь колотится в висках. Встать. Тихо, на цыпочках обследовать этаж за этажом.

На сером бетоне стены отпечатался первый солнечный луч. Данила поднялся, смахнул каплю пота

и, переступая через кучи строительного мусора, двинулся по длинному коридору с рядами одинаковых дверных проемов. Видимо, здесь проектировалось офисное здание.

Первый дверной проем. Шагнул внутрь — пусто. Второй проем — пусто. Дальше осторожность притупилась, и Данила действовал на автомате.

Ничего не обнаружив, он взбежал на третий этаж, уловил едва различимый шелест и рванулся на звук. Это в конце коридора, последняя или предпоследняя комната справа. Замедлил скорость. Ладонь вспотела, и он поудобнее взял обрез. Шаг. Еще шаг. Чем ближе он подходил, тем отчетливей шелестело, что-то чуть слышно урчало и пощелкивало.

Главное — застать врасплох, выстрелить и, пока тварь корчится, долбануть ее шокером. А потом все просто. Вот она, комната. Данила шагнул в проем и сразу же прижался спиной к стене, целясь перед собой.

Загрохотало, поднялся пронзительный крик. Астрахан выстрелил прежде, чем понял, что случилось: здесь ночевали птицы — не то вороны, не то голуби. Они разом сорвались с мест и заметались по комнате, поднимая пыль, а потом хлынули в окно, оглашая окрестности криком.

Данила выругался, сплюнул. На улице, прямо под окном, подвывая, разорялся Зулус. Высунувшись, Данила глянул вверх и влево. По отвесной стене ползло существо, отдаленно напоминающее человека: две руки и ноги, голова, туловище, а вот пропорции искажены, как на рисунке дошкольника. «Пя-

тый этаж», — оценил Данила, ловя в прицел бледный бок твари.

Грянул выстрел. Хамелеон вздрогнул — его бок разворотило, — но не отцепился от стены и продолжал ползти. Подтянулся, исчез в окне пятого этажа левого крыла. Данила рванул туда.

Лестничный пролет. Еще один. Очередной длинный коридор. Повернуть! Это было третье окно с краю. Теперь можно не осторожничать. Раз — комната, два — комната... На полу — кровь вперемешку с зеленоватой слизью и перьями. Идти по следу. Поворот — Данила влетел в комнату. Тварь сидела на подоконнике: тощий, совершенно лысый антропоморф с зеленовато-белой кожей. Глаз нет. Вывернутые ноздри, синеватые приоткрытые губы, во рту — какая-то пленка, редкие зубы. Бок разворочен — желтоватые гранулы жира вперемешку с сукровицей. Руки вскинуты и вывернуты. Кожа бугрится и меняет цвет, пальцы удлиняются... Хамелеон принимает новую форму!

Палец сам нажал на спусковой крючок, и тварь вышвырнуло на улицу, к заждавшемуся Зулусу. Ас-трахан с места, где сидел хамелеон, прыгнул на козырек балкона, оттуда перебрался на балкон третьего этажа, сбросил обрез. Нет времени бежать по лестнице. Тварь может очухаться и покалечить собаку!

С балкона второго этажа он прыгнул в траву, перекатился и, волоча ушибленную ногу, побежал к Зулусу, с урчанием рвущему хамелеона.

— Фу! Зулус! — орал он. — Пшел вон! Фу!

Пес с визгом отлетел в сторону, получив сильный удар по брюху, а подскочивший Данила попытался ткнуть шокером, но хамелеон с неожиданным проворством метнулся ему под руку. И вскочил, наградив ударом твердой башки в подбородок. Искры посыпались из глаз. Данила повалился на спину, выпустив шокер, а хамелеон вдруг очутился прямо на нем, в шею впились длинные пальцы.

И тут же на горле хамелеона капканом сомкнулись челюсти подскочившего сзади Зулуса. С рычанием пес мотнул головой, сбросил тварь с хозяина. Извернувшийся Данила схватил шокер — хорошо, тот упал недалеко, сел, протягивая руку, с криком: «Отпусти его! Фу! Пошел прочь!!!»

Зулус, разжав хватку, отпрыгнул. Данила ткнул в хамелеона шокером, рывком поджав ноги, чтобы не коснуться твари, в которую впился разряд.

Пулей эту дрянь можно только затормозить, а вот электричества хамелеоны не переносят. Жертва забилась, пустила пенную слюну и сдохла.

Тяжело дыша, он сел на корточки. Зулус тоже сел, хвост его бил по асфальту. Хамелеон теперь напоминал черт те что: челюсти перед смертью вытянулись, прорвали кожу и походили на раскрытый клюв, руки истончились, поросли перьями, грудная клетка выгнулась... Мерзость! Тварь мелко подрагивала.

Данила ногой перевернул хамелеона на спину, вынул из ножен тесак и одним ударом перерубил ребра у грудины. Надев перчатки, вставил между ребер речный расширитель и с хрустом раскрыл грудную клетку хамелеона. Скальпелем вырезал коричнево-

розовый комок размером с кулак — железу, единственное, что никогда не меняется у этих тварей, и вытащил ее с помощью хирургических щипцов.

Вынув из кармана герметично закрывающийся контейнер с физраствором, Астрахан поместил железу туда и проговорил, скупно улыбнувшись:

— Крупная. На много потянет, можно отдыхать пару недель. Как ты на это смотришь, Зулус? А если не отдыхать, а работать, скоро мы отсюда свалим...

Он не договорил — зазвенел телефон в чехле на ремне. Чертыхнувшись, Данила вытащил трубку, посмотрел на экран и поднял брови. Этот человек в последний раз звонил... год назад? Полтора? А сам Данила не звонил ему еще дольше. И что ему понадобилось?

Трубка трезвонила и дрожала в руке. Вдавлив клавишу, Данила поднес телефон к уху, сказал:

— Да, что тебе?

— И это вместо «привет», «как дела»? — осведомились в трубке. — Вежливее надо быть, Данила Тарасович.

— Что тебе?

Голос собеседника стал серьезным:

— Есть дело. Загляни ко мне сегодня вечером. Обязательно.

— Не интересуюсь, — ответил Данила и уже собрался отключиться, когда услышал то, что заставило его снова прижать трубку к уху.

— Сын, если выполнишь мое задание, заработаешь столько, что хватит до конца жизни и еще останется. А если не выполнишь — тебе конец, я пер-

вый наведу на тебя Ловчий клуб. Будь сегодня вечером у меня — это не просьба!

И потом отец Данилы, профессор Тарас Петрович Астрахан, отключился. Первый, чтобы сын не успел сделать это раньше.

Данила несколько секунд молча глядел на трубку в своей руке, потом сунул ее в чехол и бездумно потрепал Зулуса за ухом. Пес зевнул и облизнулся. Данила снял перчатки, обтер кисти антибактериальной салфеткой и, закинув рюкзак за плечо, пошел к оставленному у въезда в лес мотоциклу.

* * *

Мотоцикл фыркал, извергал клубы дыма. Солнце начало припекать, Данила вспотел и покрылся пылью. Брылы Зулуса трепал ветер, пес жмурился и отворачивался. В коляске ему было неудобно, он устал и хотел пить.

— Потерпи, — пробормотал Данила, не стараясь даже перекричать шум мотора. — Скоро приедем, дядя Геша даст тебе и воды, и еды.

Зулус взглянул на хозяина и зевнул. Астрахан тоже зевнул. Пыль набилась в рот.

Некогда Рублевское шоссе было престижнейшим районом: коттеджи, правительственная трасса, дача Президента... Теперь у него дом в Комарове, и все олигархи, нувориши, воры свалили туда же, а Рублевка опустела. Местные, коренные — и те разбежались из деревень. Деревянные дома и кирпичные

коттеджи здесь стоили одинаково, точнее, ничего не стоили — живи, кто хочешь.

Если не боишься, что ночью на твой огород придет хамелеон, злой и голодный.

Или что очередной особо сильный Всплеск вырубит всю электронику.

Или что мародеры, пьяные ловцы, подгулявшие военные или проводники заявятся в гости.

Если ты вообще не боишься ничего.

Генка-Гоша-Момент не боялся, он органично вписывался в безумие окружающего мира, поэтому жил себе на Рублевке, уже третий коттедж сменил. Данила ехал вдоль сплошного забора метров пять в высоту. Вот и дыра — здесь были ворота или шлагбаум, но их давно нет. Он свернул, мотоцикл покатился между коттеджами, по-прежнему фыркая и воняя. Навстречу не попало ни одной машины, ни одного человека.

Зулус, кажется, задремал, значит, хамелеонов поблизости тоже не было.

Перед четвертым справа домом Данила остановился, заглушил мотор, забрал из коляски рюкзак с контейнером и обрез. Зулус выпрыгнул и теперь нарезал круги, обнюхивая кусты, траву, кирпичный забор. Данила подозвал его, схватил за ошейник и потащил к коттеджу: калитка отсутствовала, на нестриженном газоне валялся мусор, оставшийся с прошлых пикников — придется Гене скоро новое жилье подыскивать, это проще, чем все здесь убирать.

Данила позвонил в домофон.

— Кто ты, бро? — спросил Момент.

— Ловчий.

Зулус коротко гавкнул — представился.

— Момент, сейчас открою.

Прошла минута. Астрахан почти выкурил сигарету, Зулус успел пометить фонарный столб. Наконец дверь открылась.

— И правда, — удивился Генка, опуская ружье, — прива, бро! Какими судьбами, ловчий?

На самом деле «ловчий» было не его прозвищем, а названием всех охотников на хамелеонов. Данила Астрахан до сих пор не обзавелся ником. У всех в Секторе и округе имелись прозвища, как у Момента. Но есть люди, к которым они не липнут, вот и Данила был, наверное, из таких, и обращались к нему другие люди либо по имени, либо по фамилии.

Они обменялись рукопожатиями. Зулус сунулся было в дом, но Момент перехватил его:

— Извини, бро, момент, я Эльзу запрю.

— А чего так? Они ж дружили всегда.

— Оценилась, — лицо у Момента дернулось. — Подержи Зулуса, ладно? Я моментом метнусь.

Дверь снова захлопнулась. Прошло минут десять, а то и больше: Данила сел на крыльцо, выкурил еще сигарету. Во дворе было тихо, спокойно. Ветер трепал тряпье, высыпавшееся из перевернутого мусорного бака, поблескивала радужной пленкой черная лужа у стены. Данила даже задремал — не заметил, как рядом присел на корточки Момент.

— Все, бро, запер я ее. Дунем?

Данила не курил ничего, кроме табака, и Гена об этом знал, но все равно предлагал каждый раз. Для

него это было естественно, как налить другу чая или коньяку.

Припекало солнышко, Астрахан щурился и чесал шрам, протянувшийся от скулы до виска. Момент сопел рядом.

— Э-э-эх, — мечтательно проговорил он, — бро, а ведь когда-нибудь наступит день, и мы откроем бойцовский клуб. Я стрельбе парней учить буду, ты — рукопашке. В Сектор буду ходить ради удовольствия, а не когда припрет.

— Угу, — буркнул Данила и щелчком отбросил бычок. — Десять раз откроем, а потом еще дважды. Хрен ты что в этой стране откроешь — теперь на все монополии.

Момент вздохнул:

— Ну так уедем. Уедем отсюда к чертям! Да понимаю, что нет выхода. Но иногда так мечтается сладко... Вот загорелся твоей мечтой, да! Потому что без мечты, ну, никак. Человек без мечты превращается в тварь ползучую. А так вроде и есть, к чему идти, не зря небо коптим. Поехать... да вон хоть в Португалию, да, или в Испанию. А то и в Бразилию какую-нибудь, ты ведь туда хотел? Лицензию прикупить и забацать свой клуб. Красота... Че, не согласен разве?

— Согласен, — кивнул Данила, вставая. — Так и будешь на пороге держать?

Момент вскочил:

— А, да, пошли!

Поднялись по ступенькам следом за хозяином. Данила с Зулусом вошли в дом. Здесь было полутемно, и хламом Гена оброс — мама не горюй. Пакеты

с мусором стояли в коридоре, над ними вились мухи. Зулус сунулся понюхать и оглушительно чихнул.

— Ты бы их хоть во двор вынес, — проворчал Данила.

— Зачем?

— Да воняют же, елки. Ты что, сам не чувствуешь?

— Да мне как-то по фиг... Ну ладно, ладно, ща вынесу.

На кухне Данила расчистил кусок стола, сложив в кучу одноразовую посуду и обрывки промасленной бумаги. Момент налил Зулусу воды, поставил миску на пол и принялся разогревать какую-то еду. У плиты Гена приплясывал, мотал светлыми дредами, с которых сыпалась пыль. Этот плечистый молодой парень, расслабленно-мягкий в движениях, во вьетнамках на босу ногу, широких шортах и футболке цвета героинового прихода, со своей заплетенной в две жидкие косички бородой (по настроению Генка подвешивал к косичкам колокольчики), был одним из лучших проводников в Секторе.

Его уважали, его побаивались — стрелял он без промаха и дрался даже в самом «убитом» состоянии без ошибок.

Рядом с ним невысокий жилистый Данила выглядел совсем несолидно.

— Надо контейнер с железой отдать Хромому, в гараж, — сказал он. — Я у тебя Зулуса оставлю?

— Да без проблем, бро, — не оборачиваясь, ответил Гена, — только я его закрою. Ща, момент, пожрем и поедем. Я слышал, как твой «харлей» рычит, давай на моей табуретке... Во, блин, опять под-

горело! Момент, я еще пельменей сварю. Слушь, бро, про Эльзу. Эту тварь, по ходу, в Секторе чупа-кабра обрюхатила. Помнишь, она две недели там шлялась, сбежала? Вот, сука такая, нагуляла.

Данила, успевший налить себе чаю, чуть не подавился. Он как раз расслабился и размечтался, вообразил собственный клуб — два, а лучше три тренажерных зала, тир. Парочка спортзалов, а на первом этаже — бар, бильярд и боулинг... И тут — на тебе!

— Я тебе покажу, кого она родила, только, бро, лучше после еды, а то аппетит отобьешь. Я вчера подумал — по обкурке глючит. Сегодня проверил: не поверишь, бро, это пипец. Утопил бы, но я ж не могу, я ж такой пацифист, что аж буддист.

Насчет «пацифист, что аж буддист» Данила сомневался, но уточнять не стал. Смотреть на помесь собаки и огромной лысой крысы не было никакого желания.

Зулус, напившись, понесся искать подругу. Данила услышал, как он завыл из глубины дома.

— Эльзиных щенков чуёт, — заметил Момент.

Зулус выл, как на хамелеона. Данила решил, что, если Генка не утопит щенков, он сделает это своими руками. Но сейчас времени нет — пора выдвигаться к гаражу Хромого.

Отогнав Гену от плиты, он сам сварил себе пельменей и успел поесть, пока тот собирался. В Секторе были и другие хорошие проводники, но Данила Астрахан доверял только Моменту. И друзей, кроме него, у Данилы не было.

* * *

«Сектор — это врата Ада», — написал на воротах гаража какой-то пессимист ядовито-зеленой краской. Незвестный оптимист зачеркнул «Ада» и написал поверх: «Рая». Незвестный же реалист изобразил рядом мужской половой орган в возбужденном состоянии.

Момент заглушил двигатель, и Данила слез с мотороллера. Огляделся по сторонам — вроде чисто. На всякий случай поправил в кармане шокер (обрез пришлось оставить в коттедже Момента, полиция на трассе могла и обыскать, а разрешения у Данилы, разумеется, не было). Подошел к размалеванным воротам и пнул их берцем.

Ворота гулко загрохотали.

— Кто?! — просипели из-за ворот.

— Открывай, Хромой! — крикнул Данила. — Это я, Астрахан!

Заскрежетали несмазанные петли, и в воротах образовалась щель, куда просунулась одутловатая морда Хромого.

— Астрахан? — прошамкал он, что-то дожевывая. Из рта у него сыпались крошки и несло перегаром. — Заходи. А наркоман пусть тут обождет.

— Мир, бро! — безмятежно улыбнулся Момент.

Данила толкнул плечом створку ворот и протиснулся внутрь.

Какой-нибудь экзобиолог — или ксенолог, или как там их сейчас величают, экспертов по Сектору, — отдал бы правую руку, ногу и почку, чтобы попасть в ло-

гово Хромого. В неказистом на вид гараже одних только контейнеров с добычей ловцов было с полдюжины. Плюс тушки чупакабр. Шкура вырвиглотки. Слянки с сушеными ларвами. Ожерелье из когтей и зубов шестилапого волка. И похожие на канифоль кристаллы добытой из желез субстанции в пластиковых кюветах под ультрафиолетовой лампой на просушке.

По самой скромной оценке коллекция скупщика Хромого тянула на полмиллиона. Или лет на пятнадцать строгого режима...

— Что принес? Показывай...

Данила поставил на верстак контейнер, щелкнул замком.

— Ого, — присвистнул Хромой. — Большая...

— Большая, — кивнул Данила.

— Полтинник.

— Чего? Охренел? Семьдесят пять, не меньше!

— Полтинник, — отрезал Хромой. — И то, пока я добрый. Завтра будет сороковник.

— Почему это? — возмутился Данила.

— МАС. Прижали, гады, работать не дают. Только на прошлой неделе трех барыг закрыли. И Ловчий клуб... цену сбивают ну вообще.

Данила нахмурился. Так вот, да? Сначала ввели лицензии, теперь вообще что-то вроде гильдии создали: поборы, налоги, проценты. Этак скоро будем по плану работать — даешь пятилетку по отлову хамелеонов за три года! И с МАСом у клуба, похоже, контакт налажен.

Совсем некуда податься вольному охотнику... А всякую систему Данила, окончательно расстав-

шись и с армией, и с МАСом, ненавидел лютой ненавистью. Эдак скоро за еду пахать придется, и прощай мечта о спокойной жизни. Сволочи.

На улице зарычали моторы, и пронзительно в два пальца свистнул Гена. Означало это одно: сволочи не заставили себя ждать...

— Облава, — побледнел Хромой. — Гады!

Астрахан захлопнул контейнер и сгреб его в рюкзак. Похоже, придется искать другого скупщика... Кто же это на Хромого навел, неужели за ними с Моментом следили? Не может быть, они бы засекли! Он метнулся к воротам, но было поздно: снаружи мякнула сирена и взвизгнули тормоза.

— Всем выйти из гаража! — рявкнул искаженный мегафоном голос. — Руки за голову, оружие на землю!

Данила переложил шокер в правый рукав, рюкзак надел на оба плеча, чтобы не болтался, если придется бежать, и медленно вышел на дневной свет. Сзади, растерянно поругиваясь, плелся Хромой.

Проезд между гаражами перекрыл внедорожник «тойота-секвойя» с прожекторами на крыше, мигалкой под лобовым стеклом и гербом МАСа на дверце — золоченым двуглавым орлом с «мирным атомом» на щите.

Из джипа вылезли бойцы в камуфляжах и балаклавских масках¹. Раз, два... Вроде пятеро. Момент,

¹ *Балаклавская маска* — маска типа лыжной, с дырками для глаз и рта, придумана английскими солдатами во время крымской войны в Балаклаве.

по обыкновению невозмутимый, стоял у мотороллера, заложив руки за голову, будто у него просто зачесалась голова под пыльными дредами.

— Опа! — совсем не по уставу гавкнул мегафон. — Какие люди! Боец Астрахан. Вольно, руки можно опустить...

Сердце пропустило пару ударов. Неужели мерещится? Данила сжал кулаки, прищурился. Дверца джипа распахнулась, и наружу вылезла до боли знакомая личность. Высокий, бритый налысо лобастый мужик с круглым лицом и густыми черными бровями, весь какой-то набыченный, будто раздутый слегка, с сильными руками и резкими, размашистыми движениями. Бросило в жар, потом — в холод. Черт побори, как тесен мир!

Полковник Алан Мансуров, командир роты глубокой разведки, в которой Данила Астрахан мотал срочку и свой первый контракт. Роты, в составе которой он трижды ездил «в командировки» на Кавказ и Памир. Роты, уничтоженной караваном афганских наркоторговцев по вине полковника Мансурова, известного под прозвищем Шейх, жадной и беспринципной гадины. Тогда Астрахан чудом выжил и получил шрам от угла скулы до виска. Волосы на виске, возле шрама, теперь были совершенно седые.

И вот опять Мансуров. Где смерть, там он и появляется. Кружит стервятником. Не дождетя, урод!

За минувшие три года Шейх изрядно раскабанел, приобрел некоторую монументальность и сменил берет на вязаную шапочку. Лицо его, как всегда гладко выбритое и бронзовое от загара, оставалось

невозмутимым, как у раскосого китайского божка, даже когда Данила презрительно сплюнул себе под ноги.

— Что, Шейх, поперли тебя из армии? — спросил он по возможности равнодушно и насмешливо.

— Почему поперли... — пожал покатыми плечами Мансуров. — Сам ушел. А ты, Астрахан, я погляжу, бандитом заделался. Браконьерствуешь потихоньку?

— Почему потихоньку? — Данила обвел взглядом бойцов бывшего командира. Что-то в них было не так. Неправильно.

— Выходи, Хромой, не прячься, — сказал Мансуров. — Пакуйте их, ребята.

Когда «ребята» синхронно двинулись в атаку, Данила понял, что его насторожило. Во-первых, форма. МАСовцы носили стандартную черную униформу с шевронами на правом рукаве, а у этих был разномастный камуфляж. И оружие: вместо шокеров и пистолетов у громил в руках были резиновые палки и (у двоих) телескопические дубинки.

— Мужики, вы чего? — удивился Момент. — Да ладно вам... Я-то тут при чем вообще? Я ж просто дунуть хотел...

«Наемники, — решил Данила. — Не кадровые силовики, а фриланс-бригада. Поймали, отвезли, получили награду. Да, опустил ты, полковник, ниже некуда...» Прелесть ситуации заключалась в том, что в правовом поле деятельность подобных бригад («добровольных дружинников») была прописана весьма смутно. Например, полномочий проводить за-

держание у них не было, как и права на ношение огнестрельного оружия...

Следовательно, Сектор вам в печень вместо Данилы Астрахана.

— Спокойно, ребята, — сказал он, вытряхивая из рукава шокер в подставленную ладонь. — Главное — это спокойно...

На втором «спокойно» Момент, до сих пор обманчиво-расслабленный, спружинил всем телом и боднул ближайшего наемника лбом в переносицу. «Взять на Одессу» — так в лексиконе уличной шпаны именовался этот крайне эффективный удар.

Хрустнуло смачно. Наемник взвыл от боли и сел на задницу. Его коллеги, не ожидавшие такой прыти от обдолбанного наркоши, на секунду опешили, и Данила этим воспользовался.

Человек — не хамелеон, проводимость электрического тока тканями тела у каждого индивидуальная. Поэтому есть только два места применения шокера с гарантированным результатом. Первое, горло, Данила отмел — пациент, получив разряд в горло, имел все шансы захлебнуться собственной слюной или проглотить язык. А вот второе...

Он со всей дури ткнул электродами в пах противнику и вдавил клавишу. Треск разряда был почти не слышен из-за вопля жертвы. Резкий разворот — и Данила рубанул шокером наотмашь второго, уже успевшего вытащить наручники. Удар пришелся чуть выше височной кости, вскользь. Пластиковый корпус шокера треснул, и зазубренный край рассек наемнику бровь.

Вроде бы пустяковое ранение, а попробуй что-нибудь сделать, когда кровь заливает глаза.

Итого на третьей секунде схватки счет стал три — ноль в пользу Данилы Астрахана и Геши Момент. Поправка: четыре-ноль — Момент, взлохматив дреды, открытыми ладонями хлопнул очередного наемника по ушам. Тот рухнул на колени и ткнулся лицом в асфальт.

Оставался еще один, самый опасный — маленького роста, но гибкий и ловкий, как мангуст. Раскрыв телескопическую дубинку, он скользящими шажочками двинулся к Даниле. Начальство — Шейх — быстро нырнуло обратно в джип и явно не за пряниками. Или вызывает подмогу, или у него там оружие.

Надо решать все мигом.

— Колено! — крикнул Данила.

— А то! — ответил Момент и все так же расслабленно изобразил, что собирается пнуть наемника в колено. Тот, разумеется, отскочил назад и отмахнулся дубинкой. А стальная дубинка — штука тяжелая, инерционная, ей так легко не помашешь, как резиновой палкой. И за те полсекунды, что понадобились оппоненту для восстановления контроля над оружием, Данила успел ткнуть его пальцами в глаза (голова наемника откинулась назад) и врезать локтем в подставленное горло.

— У этого ствол! — заорал Момент.

Шейх выбрался из джипа, сжимая в руке массивный «глок».

— Дверь! — скомандовал Данила и шарахнулся в сторону, «разнося цели». Шейх, не медля ни мгно-